

РЕАЛИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

О. С. Лиликович

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 6 ноября 2014 г.

Аннотация: *статья представляет собой обзор лингвистических концепций, посвященных исследованиям реалий и их основным функциям. Междисциплинарный подход к изучению реалий обусловил наличие группы терминов, определения которых сближают понятие «реалия» с безэквивалентной и национально окрашенной лексикой. В зарубежной традиции принят более широкий подход к исследованию культурно значимых лексических единиц, включая культураны и rich point. В статье приводятся различные типы слов и понятий, значение и применение которых обусловлено принадлежностью к той или иной культуре.*

Ключевые слова: *реалия, безэквивалентная лексика, лингвокультура, лангвакультура, rich point.*

Abstract: *the article reviews basic linguistic approaches to realia and their functions. Interdisciplinary approaches to realia bring to life a wide range of terms which share meaning components, e.g. non-equivalent words and culture-specific vocabulary. Foreign researchers offer a wider approach to the analysis of culture-bound words, including the concepts of «cultureme» and «rich point». The article describes different types of words and vocabulary items the meaning and functioning of which is predetermined by a particular culture.*

Key words: *realia, non-equivalent words, linguistic culture, languaculture, rich point.*

При изучении лексики иноязычной культуры, особенно когда речь идет о многоаспектном анализе лингвистических единиц, логично отдельное исследование, посвященное уникальным предметам и наименованиям, являющимся отличительными характеристиками конкретной культуры или языкового сообщества. К таким лексическим единицам, чье значение и функция обусловлены принадлежностью к определенной культуре, традиционно применяют ряд терминов: «безэквивалентная лексика»; «экзотическая лексика», или «экзотизм»; «варваризм», «локализм»; «этнографизм»; «алиенизм»; «фоновые слова»; «коннотативные слова», «слова с культурным компонентом», «лакуны», «реалии» [1, с. 36]. Тот факт, что эти термины синонимичны, мы принимаем как условность, поскольку значение каждого включает свой набор характеристик и свойств, обусловленных материалом и предметом исследования. Заметим также, что все отмеченные термины чаще всего встречаются в трудах по теории перевода, а именно в работах Л. С. Бархударова (1975), С. Влахова, С. Флорина (1980), Л. Н. Соболева (1955); А. Е. Супруна (1958), В. С. Виноградова (2001) и др. Наиболее всеобъемлющим по содержанию и нейтральным по функциональности можно было бы считать термин «национально-специфическая лексика», к которому, в частности, обращался О. А. Кор-

нилов (2003). Пользуясь разработанной им терминологией, отметим, что в сферу нашего научного интереса попадает национально-специфическая лексика группы А1, т.е. слова, обозначающие специфические реалии бытования народа, отсутствующие в других языках [2, с. 148].

Столь распространенный в последнее время термин «реалия», отчасти именно в силу его частого употребления в междисциплинарных исследованиях, до сих пор не обладает общепринятой дефиницией. В современных обзорах, предметом анализа которых становится теоретическая основа термина «реалия», отмечается, что отсутствие единообразия в интерпретации данного термина создает дополнительные трудности для его функционирования в широких научных кругах [3].

Термин «реалия» в современном его понимании был введен в научный обиход в 1952 г. [4, с. 281], и с тех пор его семантика регулярно дополняется новым содержанием. Изначально этот термин употреблялся преимущественно в трудах отечественных лингвистов и переводчиков – Л. Н. Соболева (1955), С. Влахова, С. Флорина (1980), А. Е. Супруна (1958) и др., посвященных теории и практике перевода. В дальнейшем термин все чаще оказывался востребованным в курсах по лингводидактике, страноведению, культурологии и межкультурной коммуникации. Такой подход нашел отражение в первую очередь в работах

М. Л. Вайсбурда (1972), пособиях Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (1980, 1983), Г. Д. Томашина (1997), С. Г. Тер-Минасовой (2000), Н. Л. Новиковой (2003) и др.

Обратимся к словарной дефиниции интересующего нас термина, без которой его анализ будет неполноценным. В современном толковом словаре под редакцией Т. Ф. Ефремовой реалии обозначают предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках [5].

Толковый переводоведческий словарь под редакцией Л. Л. Нелюбина [6] предлагает более структурированное значение:

1. Слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке.

2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п. с точки зрения их отражения в данном языке.

3. Предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова.

4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта.

Данная дефиниция обнаруживает одну из главных дилемм, с которой приходится сталкиваться современным лингвистам и переводчикам. Речь идет о смешении понятий *реалия-слово* и *реалия-вещь*. Слишком широкий подход в данном вопросе, сформулированный в переводоведческом словаре, как это ни парадоксально, по сути, ограничивает функционирование данного термина. Несмотря на его частое употребление, необходимо регулярно вносить поправки и уточнения относительно того, что именно – предмет или его именование – становится объектом того или иного исследования.

Осознавая, какие затруднения создает постоянная необходимость прояснять смысловой оттенок термина в каждом отдельном случае, А. А. Кретов и Н. А. Фененко разработали лингвистическую теорию реалии. В продолжение идеи семантической триады «предмет – понятие – слово» была введена трехчастная система терминов:

1. Реалия как предмет реальной действительности (натурфакт, артефакт) – R-реалия.

2. Реалия как идеальный эквивалент среды обитания социума (концепт) – С-реалия.

3. Реалия как средство номинации культурного концепта – L-реалия [7, с.10].

Тем не менее даже при наличии точных формулировок и четком разграничении реалии-слова и ре-

алии-вещи не удастся избежать пересечения смыслов. Если в основе терминологической базы заложена идея о том, что реалии – это «бытовые и специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно, и в языках других стран» [4, с. 281], то мы упускаем из виду одно из неотъемлемых свойств современной культуры и, как следствие, языка. Имеются в виду интенсивно развивающиеся межкультурные связи и, до некоторой степени, факт сближения культур, характерный для современного этапа истории и развития общества, когда самобытные явления и предметы заимствуются из одного сообщества в другое, подчиняясь общей динамике развития межкультурных связей. Благодаря интенсивному взаимодействию не только по принципу географической близости, но и на международном уровне, многие события и явления не воспринимаются как реалии, присущие конкретной нации или культурному сообществу. На эту особенность указывала М. Л. Алексеева, приводя в качестве примера слово «спутник», которое ввиду международного развития космической отрасли перестало ассоциироваться исключительно с реалиями советской промышленности в пользу международного, общепризнанного употребления [8, с. 339].

В рамках нашего обзора нам представляется логичным привести мнение Л. И. Сапоговой, которая считает, что слова-реалии можно классифицировать как один из видов заимствований, сохраняющих фонетическое сходство с оригинальным, иноязычным словом [9, с. 76]. Принимая во внимание такой подход, М. Л. Алексеева замечает, что «заимствования фиксируются в словарях, а значит, являются уже элементами лексики данного языка» [8, с. 340], тогда как на практике реалии зачастую употребляются лишь однократно и сопровождаются дополнительным экстралингвистическим комментарием.

Основные подходы к изучению реалий в отечественной лингвистике можно свести к двум традициям: переводческой и страноведческой [8, с. 338]. При этом каждый из подходов предопределяет круг задач и проблем. Переводческий подход ориентирован в первую очередь на слова-реалии и на их адекватный, максимально полноценный перевод на другой язык. Именно в связи с этим чаще употребляются такие термины, как «безэквивалентная лексика», «лакуны». В рамках страноведческого или лингвокультурологического подхода первостепенной оказывается задача выявления и фиксации уникальных предметов быта и жизни, т.е. реалий-вещей, которые впоследствии могут стать предметом исследования для переводчиков.

Для нас принципиальной остается такая характеристика реалии, как отсутствие – на экзистенциальном или лексическом уровне – конкретного явления

или предмета в другой культуре. В связи с этим основополагающим для нас будет определение, данное Л. Бархударовым. По его мнению, реалии – это «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [10, с. 95]. Это толкование, с одной стороны, ограничено лексическим подходом, поскольку приводится ученым при разборе безэквивалентной лексики, а с другой стороны, задает широкий диапазон его применения, что отвечает задачам нашего исследования [11].

Как было отмечено выше, чаще всего вопрос о статусе термина «реалия» ставится в трудах по основам перевода, в частности при переводе безэквивалентной лексики. Это можно объяснить тем, что для фиксации уникальных элементов и явлений культуры необходимо «зеркало», в котором при определенном освещении конкретного явления отобразится и его своеобразие и самобытность. Таким «зеркалом» выступает другая культура. При сравнении обнаруживаются культурно значимые понятия, чье наличие или отсутствие и формирует специфику каждой из сравниваемых культур.

В связи с этим отечественная наука пополнилась исследовательскими трудами, где объектами сравнения становятся две лингвокультуры: русская и английская (Копельник, 2000; Мысоченко, 2007; Ражина, 2007), немецкая (Левина, 2006), индийская культура (Пугина, 2005). Ряд работ посвящен проблеме передачи на русский язык реалий определенной сферы жизни или деятельности человека. Так, опубликованы работы, изучающие реалии парусного флота (Шаповалов, 2009), рыцарские реалии (Титова, 2005) или реалии винодельческого хозяйства в Испании, Италии и Франции (Романова, 2008). О проблеме отсутствия единообразия в подходе к изучению слов с национально-культурной спецификой пишет и испанский лингвист, профессор Университета Гранады Роберто Майораль Асенсио [12]. Обращаясь к истокам изучения самобытной лексики, Майораль Асенсио восходит к советской переводческой школе, точнее к труду «Основы общей теории перевода» под редакцией А. В. Федорова. Именно из этой работы был заимствован термин «реалия», который впоследствии был поддержан Лейпцигской школой в лице Отто Каде [12]. По мнению самого Майорала Асенсио, в этом вопросе Лейпцигская школа может считаться преемницей советской лингвистики, что было обусловлено идеологическими установками того времени. Желая продемонстрировать авторитет немецкой школы перевода, развивающейся в ГДР независимо от ФРГ, Отто Каде воспользовался опытом социалистических стран и продолжил советскую историческую традицию. На это указывает чилий-

ский профессор Нельсон Картагена, который занимался межкультурными исследованиями в Чили и ФРГ [12].

Американский лингвист кубинского происхождения Фернандо Антонио Руано Фахас рассматривает данный вопрос еще шире, используя такие понятия, как экзотизм, культурема и rich point (punto rico) [13]. При этом реалиями он называет особые единицы, знаки, символы, которые обозначают феномены, уникальные процессы или явления реальности, характерные только для определенного региона и отсутствующие в «реальности» другого региона, другого языка или же представленные в них, но воспринимаемые иначе [13]. Культурема и rich point он считает синонимами термина «реалия», называя их основными вызовами культуры при межнациональном общении. Термин rich point был озвучен американским антропологом и этнографом Майклом Агаром в книге «Language Shock: Understanding the culture of conversation» [14]. М. Агару пришлось «модернизировать» термин «лингвокультура», введенный антропологом Полом Фридрихом, который указывает на неразрывную связь языка и культуры [14, с. 20]. В интерпретации М. Агара этот термин звучит как лангвакультура [14, с. 60]. Такая фонетическая адаптация термина объясняется тем, что слово language имеет более широкое распространение, чем lingua. Феномен rich point связан с теми ситуациями, когда наличие значимой экстралингвистической информации приводит к нарушению коммуникации между представителями двух лангвакультур. В качестве примера в своем исследовании М. Агар приводит случай, когда возникла необходимость обновить дизельные двигатели и заказ был отправлен из США в Мексику. В ходе переговоров выяснилось, что английский глагол rebuild в данном контексте не соответствует испанскому глаголу reconstruir, поскольку содержит лишние для данной ситуации коннотации – *переделать* что-то использованное, при этом *не считая его новым* продуктом. В данном случае, расхождение смысла обусловлено реалиями другой культуры: в Мексике не применяют технологий по восстановлению дизельных двигателей [14, с. 227].

Систематизируя опыт отечественных и зарубежных лингвистов, становится ясно, что еще не сформирована единообразная, общепринятая терминологическая база для обозначения или разграничения реалий-слов и реалий-вещей. При этом, в отличие от отечественной традиции, в зарубежной традиции реалии чаще становятся объектом изучения не только лингвистов и переводчиков, но и антропологов и этнографов, что указывает на междисциплинарный характер этих единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1980. – 343 с.

2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

3. Мосиенко Л. В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий / Л. В. Мосиенко // Вестник Оренбург. гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. – 2005. – № 11. – С. 155–161.

4. Соболев Л. Н. Пособие по переводу с русского языка на французский / Л. Н. Соболев. – М. : Изд. лит. на иностр. яз., 1952. – 402 с.

5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000.

6. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. / под ред. Л. Л. Нелюбина. – М. : Флинта : Наука, 2003.

7. Кретов А. А. Лингвистическая теория реалий // А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 7–13.

8. Алексеева М. Л. Реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур / М. Л. Алек-

сеева // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2007. – Вып. 7. – С. 338–345.

9. Сапогова Л. И. Реалии : фактор времени / Л. И. Сапогова // Вопросы лингвистической семантики : сборник. – Тула, 1979. – 394 с.

10. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : ИМО, 1975. – 240 с.

11. Лиликович О. С. Историко-культурные реалии в художественном контексте (на материале романа Э. Мендосы «Город чудес») / О. С. Лиликович // Вестник РУДН. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – № 3. – С. 110–116.

12. Mayoral Asensio R. La traducciyon de referencias culturales. – Universidad de Granada. – 1999. – Mode of access: http://www.ugr.es/~rasensio/docs/Referencias_culturales.pdf

13. Ruano Faxas F. A. Las realias y su importancia en la traducciyon, en la interpretaciyn, en los doblajes, en los subtitulajes, en la creaciyn hablada y escrita de discursos, en la lectura y en Internet. – Mode of access: <https://ruano-faxas.wordpress.com/?s=realia>

14. Agar M. Language Shock : Understanding the culture of conversation. – Harper Paperbacks, 1995. – 288 p.

Российский университет дружбы народов

Лиликович О. С., аспирант кафедры иностранных языков

E-mail: olesya.lilikovich@gmail.com

Тел.: 8-916-868-58-92

Russian University of Peoples' Friendship

Lilikovich O. S., Post-graduate Student of the Foreign Languages Department

E-mail: olesya.lilikovich@gmail.com

Tel.: 8-916-868-58-92